

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Сергей Львович Фирсов

**«ЯКОРЬ СПАСЕНИЯ».
Православная Церковь
и Российское государство
в эпоху императора Николая I.
Очерки истории**

Монография

Санкт-Петербург
Издательство СПбДА
2021

УДК 94(47).073+281.93
ББК 63.3(2)521+86.372.24-35
Ф62

Рекомендовано к публикации
Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р21-107-0152

Рекомендовано к публикации
Научным советом Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви
Выписка из Протокола № 09 от 16.04.2021 г.

Рецензенты:

Сергей Константинович Лебедев — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий Отделом новой истории России Санкт-Петербургского Института истории Российской академии наук.

Леонид Владимирович Высочков — доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России с древнейших времен до XX века Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Фирсов С. Л.

Ф62 «Якорь спасения». Православная Церковь и Российское государство в эпоху императора Николая I. Очерки истории : монография / Сергей Львович Фирсов ; Санкт-Петербургская духовная академия. — СПб. : Изд-во СПбДА, 2021. — 464 с.

ISBN 978-5-906627-88-9

Монография посвящена анализу основных проблем, связанных с церковно-государственными отношениями в Российской империи 1825–1855 гг.: что представляла собой церковная жизнь в николаевскую эпоху, кто и как исполнял самодержавную волю в церковных делах, какие задачи стояли перед православным обществом и каким оно было. Также исследуются вопросы, могла ли Православная Церковь отвечать на вызовы времени и противостоять наступающему секуляризму и отвечала ли Российская империя эпохи Николая I своему предназначению: охранять и преумножать объявленные государственными ценности — «православие, самодержавие, народность», — названные «якорем спасения», который должен был предохранить державу от революционных потрясений.

Книга рекомендуется преподавателям и студентам богословских и светских вузов, а также всем интересующимся историей Русской Православной Церкви и историей России.

УДК 94(47).073+281.93
ББК 63.3(2)521+86.372.24-35

ISBN 978-5-906627-88-9

© Издательство Санкт-Петербургской
Духовной Академии, 2021

Henry

ВВЕДЕНИЕ

«Посреди быстрого падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, при повсеместном распространении разрушительных понятий, в виду печальных явлений, окружавших нас со всех сторон, надлежало укрепить отечество на твёрдых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и её исключительно принадлежащие; собрать в одно целое священные останки её народности и на них укрепить якорь нашего спасения»¹.

Так писал во всеподданнейшем докладе императору Николаю I в 1843 г. его министр народного просвещения граф С. С. Уваров, которому принадлежит заслуга определения главных начал государственной идеологии Российской империи: православия, самодержавия, народности. Они и назывались «последним якорем нашего спасения». Впервые о «триаде», характеризовавшейся как «вернейший залог» силы и величия Отечества, граф упомянул ещё в декабре 1832 г., после инспектирования Московского университета².

¹ Десятилетие Министерства Народного Просвещения 1833–1843 гг. (Всеподданнейший доклад гр. С. С. Уварова) // Эпоха Николая I / Под ред. М. О. Гершензона. М., 1910. С. 115–116.

² См. подр.: *Уваров С. С.* Отчёт по обозрению Московского университета (4 декабря 1832 г.) // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1875. Т. 2. Отд. 1. 1825–1839. Стб. 503–529. Следует также отметить, что в последние десятилетия многие постулаты т. н. теории официальной народности были подвергнуты критике, порой весьма резкой. Авторы новых подходов к этой теории характеризуют её «как миф, растиражированный либеральными учёными и журналистикой в борьбе с деятелями традиционалистского направления» (см. подр.: *Бадалян Д. А.* С. С. Уваров и журнальная

Словосочетание «якорь спасения» было употреблено неслучайно. В Новом Завете о «якоре» говорит апостол Павел в Послании к евреям: «Люди клянутся высшим, и клятва во удостоверение оканчивает всякий спор их. Посему и Бог, желая преимущественнее показать наследникам обетования непреложность Своей воли, употребил в посредство клятву, дабы в двух непреложных вещах, в которых невозможно Богу солгать, твердое утешение имели мы, прибегшие взяться за предлежащую надежду, которая для души есть как бы якорь безопасный и крепкий, и входит во внутреннейшее за завесу, куда предтечею за нас вошел Иисус, сделавшись Первосвященником навек по чину Мелхиседека» (Евр 6:17–20). В христианстве образ якоря означает спасение и непоколебимость, истинную веру.

Так библейский образ был использован для утверждения и обоснования идеологического credo самодержавной власти российского императора. Использование это случайным, конечно, не было. Россия являлась государством конфессионально пристрастным, где Православная Церковь являлась первенствующей, а император считался её Верховным покровителем. Конечно, и ранее, в предшествовавшие царствования, правители покровительствовали Церкви — по крайней мере, громогласно об этом заявляли, — охраняя самодержавный принцип от любых на него поползновений. И ранее империя строилась на абсолютистском фундаменте. Однако именно в царствование императора Николая I была сформулирована государственная идеология, именно во второй трети XIX в. власть почувствовала необходимость в определении и декларировании идеологических принципов и религиозных мотивов, доказывающих её легитимность.

Почему же потребовалось доказывать — или просто декларировать — и без того очевидные истины?

борьба 1830–1840-х годов // Тетради по консерватизму. 2018. № 1. С. 203–218). Есть и более осторожная критика теории официальной народности (см., напр.: *Удалов С. В.* Империя на якоре: государственная идеология, власть и общество в России. Саратов, 2018).

Вероятно, причину следует искать в личности Николая I. Страстно ненавидевший его А. И. Герцен, пытаясь нарисовать портрет самодержца, вспомнил о коллекции античных статуй, бюстов, статуэток, собранных в Ватикане Папой Римским Пием VII. По словам А. И. Герцена, в коллекции была представлена «вся история римского падения», выраженная «бровями, лбами, зубами». Его внимание привлёк и «тип военачальников, в которых вымерло всё гражданское, всё человеческое, и осталась одна страсть — повелевать; ум узок, сердца совсем нет; это — монахи властолюбия, в их чертах видна сила и суровая воля». А. И. Герцен писал о гвардейских и армейских императорах, «которых крамольные легионеры ставили на часы к империи». В их числе писатель «нашёл много голов, похожих на Николая, когда он был без усов»³.

Не вдаваясь в подробный разбор приведённой характеристики, отметим только одну фразу — о монахах властолюбия, обладавших силой и суровой волей. Николай I, безусловно, был «гвардейским» императором, волевым и идейным. Последнее обстоятельство следует подчеркнуть особо: он искренне считал, что как помазанник должен не просто править, но нести свой крест, осуществлять свою миссию служения России, разумеется, так, как он её понимал. Названный М. О. Гершензоном «доктринёром», Николай I стремился приспособить к политической форме, к самодержавию, чётко сформулированные идеологические принципы, поступиться которыми не желал ни при каких обстоятельствах. В течение почти тридцатилетнего царствования он пытался «гнуть жизнь» под свои «формулы», «и истощался в бесплодных усилиях объять необъятное и привести жизнь в симметрический порядок»⁴.

В «порядок» он пытался привести и Православную Церковь, будучи убеждён в необходимости всячески содействовать её укреплению и процветанию. Удалось ли это ему?

Однозначного ответа дать не получается. Очевидно лишь то, что император действительно «пытался». В условиях

³ Герцен А. И. Былое и думы. М.; Л., 1932. Т. I. С. 50.

⁴ М[ихаил] Г[ершензон]. От Редакции // Эпоха Николая I... С. VI.

абсолютной монархии Церковь и не могла быть самостоятельной, она должна была следовать в фарватере общей имперской политики, понимаемой в духе упоминавшейся выше «триады». Что представляла собой церковная жизнь, как развивались церковно-государственные отношения, кто и как исполнял самодержавную волю в церковных делах, наконец, какие проблемы стояли перед православным обществом и каким оно было — все эти вопросы требуют серьёзного исследования, без которого вряд ли удастся написать полноценную историю Православной Российской Церкви эпохи императора Николая Павловича.

Настоящая книга есть лишь попытка представить на суд читателя ряд очерков, знакомство с которыми облегчит работу по написанию указанной истории Церкви.

Конечно, нельзя сказать, что русской церковной проблематикой второй трети XIX в. историки не занимались. Ещё в 1902 г. был опубликован объёмный 113-й «Сборник Императорского русского исторического общества», содержащий «Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I»⁵. «Материалы» содержали подробные историко-статистические сведения, связанные с главным и местным управлением Православной Церкви, включая обзор епархий и викариатств, в том числе и вновь учреждённых, рассказ о членах Святейшего Правительствующего Синода и синодальных обер-прокурорах, информацию о преобразованиях в ведомстве православного исповедания и т. п.

В 1915 г. увидел свет первый том «Полного собрания постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи», охватывающий первые десять лет царствования Николая I⁶. Революция помешала завершить

⁵ Материалы для истории Православной Церкви в царствование императора Николая I. Изданы под ред. Н. Ф. Дубровина // Сборник Императорского русского исторического общества. СПб., 1902. Т. 113.

⁶ Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской империи. Царствование государя императора Николая I. Пг., 1915. Т. I: 1825 (декабря 12) — 1835 гг.

издание, однако и те материалы, что удалось опубликовать накануне её, существенно облегчают исследователям работу над историей Церкви николаевской эпохи.

До 1917 г., впрочем, вышло несколько монографий, в которых рассматривались различные аспекты церковной жизни и проблемы церковного управления николаевской эпохи⁷. Но ни одной специальной работы, посвящённой истории Церкви в 1825–1855 г., историки создать не успели⁸.

В советское время тема, связанная с изучением религии и Церкви, не являлась приоритетной. При этом для авторов, так или иначе касавшихся «церковных» тем, обязательным условием было следование марксистской методологии и всяческое подчёркивание «антинародной сущности» церковной политики. Эмигрантские историки, свободные от идеологического давления, касались истории Церкви эпохи императора Николая I, но преимущественно в связи с иными интересовавшими их сюжетами или при рассказе о русской церковной истории в целом. Так, истории Православной Российской Церкви эпохи императора Николая I посвятил несколько страниц в «Лекциях по истории Русской Церкви» доцент богословского

⁷ См., напр.: *Барсов Т. В., проф.* Святейший Синод в его прошлом. СПб., 1896; *Благовидов Ф. В.* Обер-прокуроры Святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия (Отношения обер-прокуроров к Св. Синоду). Опыт церковно-исторического исследования. Казань, 1900; *Рункевич С. Г.* Русская Церковь в XIX веке. СПб., 1901; *Толстой Д. А.* Иосиф, митрополит Литовский и воссоединение униатов с православной церковью в 1839 г. СПб., 1869; *Чистович И.* Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов: обзор событий воссоединения в царствование императора Николая I. СПб., 1889; *Коялович М. О.* История воссоединения западно-русских униатов старых времен. СПб., 1873; *Шавельский Г., прот.* Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархии (1833–1839 гг.). СПб., 1910.

⁸ Единственной, пожалуй, работой, целиком посвящённой «церковным сюжетам» эпохи императора Николая I, была диссертация петербургского священника Николая Гурьева, так до революции 1917 г. и не опубликованная (см.: *Гурьев Н., свящ.* Обер-прокурорская власть в царствование императора Николая I // РНБ. Отдел рукописей и редких книг. Ф. 573. Оп. 2. Д. 53).

факультета Института Св. Владимира в Харбине Е. Н. Сумароков⁹. Но его «Лекции...» носят скорее обзорный характер, являются «справкой», позволяющей бегло ознакомиться с главными церковными деятелями эпохи и с основными мероприятиями обер-прокуратуры и Св. Синода. Совершенно по-иному рассказывается о церковной истории XVIII — начала XX вв. в фундаментальном труде И. К. Смолича, оказавшегося за пределами Родины ещё в 1920 г. и с 1950-х гг. работавшего в Восточноевропейском институте при Свободном университете ФРГ. Человек глубоких знаний, до конца дней остававшийся верующим православным христианином, И. К. Смолич много лет работал над фундаментальной «Историей Русской Церкви» Синодального периода. Первый том (на немецком языке) вышел из печати в 1961 г., второй — в 1991 г., спустя 21 год после смерти автора¹⁰. И. К. Смолич был одним из тех, кто понял, что «нервным центром истории» России, начиная с Петра Великого, становятся церковно-государственные отношения с их воздействием на все стороны церковной жизни. В соответствии с указанным подходом автор и занимался церковной историей, в том числе рассматривая и интересующую нас проблематику.

В постсоветский период интерес к истории Православной Церкви в России получил новый мощный импульс. Стали появляться серьёзные исследования, в которых затрагивались различные аспекты истории Синодальной эпохи, в том числе и второй трети XIX в. Попытку рассказать об эволюции церковно-государственных отношений в России первой половины XIX в. предпринял, в частности, петербургский исследователь Ю. Е. Кондаков¹¹. Появились работы, посвящённые проблемам

⁹ См.: Сумароков Е. Лекции по истории Русской Церкви. Харбин, 1945. Т. II. С. 286–298, 301–307 и др.

¹⁰ Работа И. К. Смолича была переведена и переиздана в России. См.: Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700–1917 // История Русской Церкви. М., 1996–1997. Т. VIII. Ч. 1, 2.

¹¹ См.: Кондаков Ю. Е. Государство и Православная Церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. СПб., 2003.

религиозной политики в царствование Александра I¹² и Александра II¹³. Вновь стали анализироваться и проблемы церковной унии, ликвидированной в эпоху Николая I¹⁴. Стали защищаться диссертационные исследования, в которых рассматривались вопросы церковно-государственных отношений второй трети XIX в.¹⁵

Тогда же и автор этих строк стал заниматься изучением церковных проблем времен Николая I. В течение ряда лет я публиковал статьи, в которых рассматривались различные аспекты тогдашней церковной политики: состояние «народного благочестия» и религиозная политика Российского государства, его «охранительная идеология», отношение власти к старообрядцам, деятельность обер-прокуроров Св. Синода и состояние Св. Синода, канонизация свт. Митрофана Воронежского и личная религиозность Николая I. В конце концов стало понятно, что все эти материалы можно объединить в книгу, чтение которой может дать представление об основных «линиях» церковной жизни николаевской России, о том, насколько активно развивалась Церковь в период «апогея самодержавия», насколько и как последнее влияло на религиозную жизнь её православных подданных. К сожалению, ряд важных сюжетов, которые были задуманы, мне не удалось осветить. Среди них — историографический

¹² См., напр.: *Его же. Духовно-религиозная политика Александра I и русская православная оппозиция (1801–1825)*. СПб., 1998; *Вишленкова Е. А. Религиозная политика: официальный курс и «общее мнение» России alexandrovской эпохи*. Казань: Казанский государственный университет, 1997; *Ее же. Духовная школа в России первой четверти XIX века*. Казань, 1998.

¹³ См., напр.: *Римский С. В. Российская Церковь в эпоху Великих реформ. (Церковные реформы в России 1860–1870-х годов)*. М., 1999.

¹⁴ См., напр.: *Романчук А., прот. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко), митрополит Литовский и Виленский: очерк жизни и церковно-общественной деятельности*. М.; Минск, 2015.

¹⁵ См., напр.: *Федорук В. Н. Православная Церковь и государство в России во второй четверти XIX века: автореф. дис. ... канд. филос. наук*. СПб., 2012. Научным руководителем диссертационного исследования был автор этих строк.

обзор работ, посвящённых ликвидации унии 1839 г.; описание реформ, проведённых обер-прокурором Святейшего Синода графом Н. А. Протасовым; создание социально-психологических портретов первоприсутствующих членов Св. Синода: митрополитов Серафима (Глаголевского), Антония (Рафальского), Никанора (Клементьевского).

Однако даже в случае написания перечисленных выше сюжетов книга не стала бы «Историей Православной Церкви», оставшись очерками истории. Впрочем, в том, что книга — именно очерки, есть и свои безусловные плюсы. Прежде всего, автор «очерков» не претендует на «всеохватность» избранной темы, останавливаясь только на тех проблемах, которые считает наиболее важными. Следует отметить и другой момент: в настоящее время одному исследователю достаточно трудно проанализировать все аспекты общей истории Церкви такого сложного и противоречивого времени, как время Николая I. Такой труд под силу только группе учёных — историков, социальных психологов, богословов и т. д. Остаётся надеяться, что рано или поздно сей труд появится, и публикуемые очерки станут для него некоторым подспорьем.

* * *

В данной книге помещены очерки, написанные в разное время (с 2002 г. по 2019 г.). Но расположены они не в хронологическом порядке. Мне казалось правомерным начать разговор о Православной Российской Церкви эпохи Николая I с очерка, посвящённого религиозности самого монарха, его личному отношению к вере и Церкви. Без понимания того, какую роль религия играла в жизни царя, трудно понять и психологию восприятия им собственных полномочий как «Верховного ктитора», считавшего не только возможным, но и необходимым лично участвовать в церковном управлении, определяя политику ведомства православного

исповедания и по своему усмотрению назначая синодальных обер-прокуроров.

Следующий очерк — «Православный абсолютизм», посвящён анализу формирования государственной идеологии, основанной на религиозном фундаменте — той самой идеологии, что была сформулирована графом С. С. Уваровым в трёх известных словах. О том, как она сказывалась на бытии Православной Церкви говорится в третьем очерке, продолжающем и развивающем основные положения, прописанные во втором, и называемом «Охранительная идеология» и Православная Церковь в России 1825–1861 гг.». В данном случае представлялось необходимым несколько выйти за хронологические рамки, доведя изложение до начала Великих реформ, когда власть светская положительно решила вопрос об отмене крепостного права, поборов стародавний страх перед возможными «потрясениями». Но нашла ли она, приступая к этому великому делу, союзника в лице православных иерархов?

Вопрос не имеет однозначного ответа — всё зависит от того, с какой стороны на него посмотреть. Об этом, среди прочего, и идёт речь в третьем очерке.

Не следует, впрочем, забывать, что «официальная церковность» и «народное благочестие» (при всей условности приведённого выражения) — не одно и то же. Церковь, согласно православному вероучению, это «народ Божий», не разделённый на «учащих» и «учащихся». Именно поэтому представлялось важным далее поместить очерк о «народном благочестии», объяснив, насколько и как оно коррелировало с проводимой церковными и светскими властями религиозной политикой. Очерк называется «Религиозная политика и народное благочестие в России (1825–1861 гг.)». Как и в случае с «Охранительной идеологией», представлялось правильным, не ограничиваясь 1855 г., довести изложение до 1861-го. В очерке обращается внимание на то, что николаевская политическая система многое предопределяла, однако проявлению личной веры, личного благочестия мешала минимально.

Можно ли сказать, что тем самым политическая система «содействовала» проявлениям народного благочестия? К сожалению, данный вопрос следует признать не только некорректным, но и неразрешимым.

Впрочем, если всё-таки искать на него ответ, то следует обратиться к иным сюжетам, например, к теме возрождения Оптиной пустыни, новая страница в истории которой как раз совпала с началом николаевского царствования. Возрождению Оптиной и служению одного из главных её строителей, каковым был архимандрит Моисей (Путилов), посвящён пятый очерк книги («Архимандрит Моисей (Путилов) и возрождение Оптиной пустыни»). Не забудем: именно в царствование императора Николая I, в годы настоятельства архимандрита Моисея (Путилова) в Оптиной утвердилось старчество, и это, собственно, стало определяющим моментом в истории её возрождения. Таким образом, история возрождения Оптиной свидетельствует, что Православная Церковь в России должна нами рассматриваться не только — а, быть может, и не столько — «институционально», сколько как история не прерывавшейся «русской святости», стремления найти верный путь к Богу, путь «в Церкви» — к «Церкви».

К теме, посвящённой и «русской святости», и государственно-церковному строительству, имеет непосредственное отношение и шестой очерк: «Святой империи. К истории канонизации святителя Митрофана Воронежского в 1832 году». В нашем случае можно отметить то, что свт. Митрофан стал своеобразным символом «религиозного преемства» — от Петра I к Николаю I. Действительно, это был «святой империи», достигшей в царствование праправнука царя-реформатора своей максимальной силы и могущества. Неслучайно в официальных изданиях того времени свт. Митрофан представлялся как соратник Петра Великого и церковный деятель, способствовавший успешному развитию империи, год от года усиливавшей свою мощь и постепенно превращавшейся в сильнейшую страну христианского мира. Так выдающееся событие в жизни Российской Церкви оказалось соединено

с идеологической задачей — укреплением православной государственности.

Седьмой очерк («Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I») посвящён совершенно иной проблеме — тому, как Российская империя пыталась решить «старообрядческий вопрос», точнее тому, как оно этот вопрос решало. Стремясь к унификации, воспринимая старообрядцев как «ниспровергателей» и «внутренних врагов», власть действовала по-своему честно, откровенно заявляя о том, что в православном государстве не может быть православных подданных, отказывающихся подчиняться священноначалию Российской Церкви. К чему привела борьба с расколом — вопрос отдельный, его следует рассматривать в общем контексте государственной политики и идеологии николаевского царствования.

Разумеется, чтобы понять этот «контекст» необходимо иметь представление о том, кем были высшие церковные руководители Православной Российской Церкви, составлявшие Св. Синод, а также то, что любая их «инициатива» в принципе не могла выйти за рамки синодальной модели. Осознавая это, мы не должны ставить вопрос о том, насколько они могли быть «независимыми», или как они могли проявлять собственную «независимость» перед обер-прокурором, чья власть и влияние на ход дел в духовном ведомстве постепенно, но неуклонно возрастали. Чтобы показать это, восьмой и девятый очерки посвящены соответственно историко-социологическому анализу членов Св. Синода 1825–1855 гг. (очерк восьмой — «Святейший Правительствующий Синод в эпоху императора Николая Павловича»), а также социально-психологической и политической характеристике синодальных обер-прокуроров (очерк девятый — «Око государево. Обер-прокуроры Святейшего Правительствующего Синода в эпоху императора Николая Павловича»).

Последний очерк — «Отчёты обер-прокуроров Святейшего Правительствующего Синода эпохи императора Николая Павловича как источник по истории Православной Российской

Церкви» — позволяет понять, что представляла собой Церковь с «формальной» точки зрения. В очерке приводятся многочисленные статистические данные о числе православных подданных, о строительстве новых храмов и монастырей, о численности монашествующих, священно- и церковнослужителей, о том, сколько человек приняли православие и о многом другом. Статистика, как известно, обоюдоостра: всё зависит от того, с какой стороны к ней подойти и как на неё посмотреть. «Формальные» показатели при ближайшем их рассмотрении оказываются вовсе не доказательством блестящего положения Церкви в империи, а скорее наоборот. Однако в этом не следует видеть «нерадение» или «злой умысел» руководителей обер-прокуратуры, их соратников и подчинённых. Просто развитие Церкви (как институции) не успевало за развитием общества (например, вновь строившиеся храмы не могли принять существенно возросшее число православных, их требовалось гораздо больше, чем могло построить и строило государство). Не хватало и священников (хотя цифры представителей духовенства впечатляли). Иначе говоря, «внешнему величию» явно не доставало «внутренней основательности», а «форма» церковного строительства заслоняла «содержание» церковного делания.

Большинство работ, помещённых в настоящей книге, были ранее опубликованы в журнале «Церковь и время»¹⁶, некоторые — в других изданиях¹⁷. При подготовке настоящей книги

¹⁶ Фирсов С. Л. Архимандрит Моисей (Путилов) и возрождение Оптиной пустыни // Церковь и время. 2002. № 4 (21). С. 185–207; *Его же*. Религиозная политика и народное благочестие в России (1825–1861) // Там же. 2005. № 1 (30). С. 200–240; *Его же*. Император Николай Павлович как православный государь и верующий христианин. Штрихи к социально-психологическому портрету // Там же. 2010. № 3 (52). С. 151–192; *Его же*. Святейший Правительствующий Синод в эпоху императора Николая Павловича // Там же. 2017. № 2 (79). С. 209–261; *Его же*. «Око Государево»: обер-прокуроры Святейшего Синода в эпоху императора Николая Павловича. Штрихи к портрету // Там же. 2019. № 2 (87). С. 135–231.

¹⁷ *Его же*. «Охранительная идеология» и Православная Церковь в России 1825–1861 гг. // Философия и социально-политические ценности

все ранее изданные в научных журналах работы были заново отредактированы. Следует указать, что в очерках встречаются, хотя и нечасто, определённые повторы. Однако, как представляется автору, они не влияют на восприятие книги в целом, ибо не являются «механическим заимствованием» материалов из одной статьи для другой.

Завершается книга приложением, в котором помещены два материала. Первый — акт освидетельствования мощей свт. Митрофана Воронежского, составленный в апреле 1832 г. Акт освидетельствования публиковался однажды — в «Макарьевских чтениях», изданных незначительным тиражом в Можайске в 1998 г. Второй — «Материалы для биографии графа Протасова», был составлен вскоре после кончины обер-прокурора. Ранее эти «Материалы» не публиковались и были известны только узкому кругу специалистов, которые, к тому же, не имели чёткого представления об их авторе (ныне авторство удалось установить).

Итак, эта книга о том, была ли Православная Церковь способна отвечать на вызовы своего времени, могла ли она противостоять наступавшему секуляризму, была ли в состоянии Российская империя эпохи Николая I отвечать своему предназначению — охранять и приумножать православные ценности, объявлявшиеся ценностями государственными, называя

консерватизма в общественном сознании современной России (от истоков к современности). Сборник статей. СПб., 2004. Вып. 1. С. 142–172; *Его же*. «Православный абсолютизм» Светская власть и православная церковь в эпоху императора Николая I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6 (Философия, политология, социология, психология, право, международные отношения). Вып. 4. 2004. [2005]. С. 36–43; *Его же*. Православное государство и русские старообрядцы-поповцы в эпоху императора Николая I // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. (Философия, культурология, политология, право, международные отношения). Вып. 1. 2009. С. 6–15; *Его же*. Святой империи. К истории канонизации святителя Митрофана Воронежского в 1832 году // Христианское чтение. 2020. № 4. С. 184–198; *Его же*. Отчёты обер-прокуроров Святейшего Правительствующего Синода эпохи императора Николая Павловича как источник по истории Православной Российской Церкви // Там же. 2020. № 5. С. 180–199.

«православие, самодержавие и народность» тем самым «якорем спасения», который должен был предохранить державу от революционных потрясений. Насколько удалось найти ответы на эти вопросы, либо внятно их сформулировать — пусть судит благосклонный читатель.

Конец ознакомительного фрагмента